

Народные русские сказки (Афанасьев)/Иван Сученко и Белый Полянин

139[1]

Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки. На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печёный, возле него лук толчёный; и шли три молодца, зашли да позавтракали, а дальше идут — похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то места, наедались пуще, чем деревенская баба теста! Это присказка, сказка будет впереди.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь на гладком месте, словно на скатерти, сроду не имел у себя детей. Пришёл до него нищий. Царь его пытается:

— Не знаешь ли ты, что мне такое сделать, чтоб были у меня дети?

Он ему отвечает:

— Собери-ка ты мальчиков да девочек — семилеток, чтоб девочки направили, а мальчики выплели за одну ночь невод; тем неводом вели изловить в море леща златопёрого и дай его царице съесть.

Вот поймали леща златопёрого, отдали в кухню изжарить; поварка[2] вычистила, вымыла леща, кишки собаке бросила, помой отдала трём кобылам выпить, сама оглодала косточки, а рыбу царица скушала. Вот разом родили: царица сына, и поварка сына, и собака сына, а три кобылы ожеребились тремя жеребятами. Царь дал им всем имена: Царенко Иван, Поваренко Иван и Сученко Иван.

Растут они, добрые молодцы, не по дням, не по часам, а по минутам, выросли большие, и посылает Иван Сученко Ивана-царевича до царя:

— Поди попроси, чтоб позволил нам царь оседлать тех трёх коней, что кобылы принесли, да поехать по городу погулять-покататься.

Царь позволил; они поседлали коней, выехали за город и начали меж собой говорить:

— Чем нам у батюшки у царя жить, лучше в чужие земли поедem!

Вот они взяли купили железа, сделали себе по булаве — каждая булава в девять пудов, и погнали коней.

Немного погода говорит Иван Сученко:

— Как нам, братцы, будет путь держать, когда нет у нас ни старшего, ни младшего? Надо так сделать, чтоб был у нас старший брат.

Царенко говорит, что меня отец старшим поставил, а Сученко — своё, что надо силу попробовать — по стрелке бросить. Кидают стрелки один за другим; сначала Царенко Иван, за Царенком Поваренко, за Поваренком Сученко. Едут не далеко, не близко — аж лежит Царенкова стрелка, немного подальше того упала Поваренкова стрелка, а Сученковой нигде не видать! Едут всё вперёд да вперёд — и заехали за тридевять земель в тридесятое царство, в иншее государство — аж там лежит Сученкова стрелка.

Тут и порешили: Царенко будет меньшей брат, Поваренко — подстарший, а Сученко — самый наистарший, и пустились опять в путь-дорогу. Смотрят — перед ними степь расстилается, на той степи палатка разбита, у палатки конь стоит, ярую пшеницу ест, медовой сытой запивает. Посылает Иван Сученко Ивана-царевича:

— Пойди узнай: кто в палатке?

Вот Царенко приходит в палатку, а там на кровати Белый Полянин лежит. И ударил его Белый Полянин мизинцем по лбу — Царенко упал; он взял его да под кровать и бросил. Посылает Сученко Ивана Поваренка; Белый Полянин и этого ударил мизинцем по лбу и бросил под кровать. Сученко ждал, ждал, не дождался; прибегает туда сам, как ударит Белого Полянина раз — он и глаза под лоб! После вынес его из палатки, свежий ветерок пахнул, Белый Полянин ожил и просит:

— Не убивай меня! Прими за самого меньшого брата!

Иван Сученко его помиловал.

Вот все четыре брата поседлали своих коней и поехали пущами да рощами; долго ли, коротко ли ехали — стоит перед ними дом в два этажа под золотой крышею. Зашли в этот дом — везде чисто, везде убрано, напитков, наедков вдоволь запасено, а живых людей нет никого; подумали-подумали и положили пока здесь проживать — дни коротать. Утром три брата на охоту поехали, а Ивана-царевича дома оставили за хозяйством смотреть. Он наварил, нажарил к обеду всякой всячины, сел на лавке да трубку покуривает. Вдруг едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета[3] на семь сажений лита, и

просит милостыни. Царенко даёт ему целый хлеб; дед не за хлеб, за него берётся, крючком да в ступу, толк-толк, снял у него со спины полосу до самых плечей, взял поволою[4] натёр да под пол бросил... Вернулись братья с охоты, спрашивают Царенка:

— Никого у тебя не было?

— Я никого не видал; разве вы кого?

— Нет, и мы не видали!

На другой день дома остался Иван Поваренко, а те на охоту поехали. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку — аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Поваренко даёт ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, поволою натёр да под пол бросил... Вернулись братья с охоты и спрашивают:

— Никого у тебя не было?

— Нет, никого! А вы разве видели?

— Нет, и мы не видали!

На третий день дома остался Белый Полянин. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку — аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Белый Полянин даёт ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, поволою натёр да под пол бросил... Приехали братья с охоты:

— Ты никого не видал?

— Нет, никого; а вы?

— И мы тож!

На четвёртый день остался дома Иван Сученко. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку — аж опять едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Сученко даёт ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу — ступа и разбилась. Иван Сученко ухватил деда за голову, притащил до вербового пня, расколол пень надвое да всадил дедову бороду в расщелину, а сам — в горницу. Вот едут его братья, меж собой разговаривают.

— Что, братцы, вам ничего не случилось? — спрашивает Царенко. — А у меня так рубаха совсем к телу присохла!

— Ну, и нам досталось! До спины доторкнуться нельзя. Проклятый дед! Верно, он и Сученку содрал.

Приехали домой:

— А что, Сученко Иван, никого у тебя не было?

— Был один нахаба[5], так я ему по-своему задал!

— Что ж ты ему сделал?

— Пень расколол да бороду всадил.

— Пойдём посмотрим!

Пришли на деда смотреть, а его и след простыл! Как попал он в тиски, начал биться, рваться и таки выворотил весь пень с корнем и унёс с собой на тот свет; а с того света он приходил до своего дома под золотою крышею.

Братья пошли по его следам, шли-шли — стоит гора: в той горе ляда[6]; взяли её отворили, привязали до каната камень и опустили в нору; как достали камнем дно, вытянули его назад и привязали до каната Ивана Сученка.

Говорит Сученко:

— Через три дня как встряхну канат — сейчас меня вытягайте!

Вот опустили его на тот свет. Он вспомнил про царевен, что покрали на тот свет три змия:

— Пойду их шукать[7]!

Шёл-шёл — стоит двухэтажный дом; вышла оттуда девка.

— Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?

— А ты что за спрос? Дай-ка мне наперёд воды — глаза промыть, накорми меня, напой, да тогда и спрашивай.

Она принесла ему воды, накормила, напоила и повела к царевне.

— Здравствуй, прекрасная царевна!

— Здравствуй, добрый молодец! Чего сюда зашёл?

— За тобою; хочу с твоим мужем воевать.

— Ох, не отымешь ты меня! Мой муж дюже сильный, с шестью головами!

— Я и с одною, да буду воевать, как мне бог поможет!

Царевна его за двери спрятала — аж летит змий.

— Фу, русска кость воня!

— Ты, душечка, на Руси летал, русской кости напахал[8]! — говорит царевна, подаёт ему ужинать, а сама тяжело вздохнула.

— Чего, голубка, так тяжело вздыхаешь?

— Как мне не вздыхать! Четвёртый год за тобою, не видела ни отца, ни матери. Ну что, если бы кто-нибудь из моих родных да сюда пришёл, что б ты ему сделал?

— Что сделал? Пил да гулял бы с ним.

На те речи выходит из-за дверей Иван Сученко.

— А Сученко! Здравствуй; зачем пришёл: биться или мириться?

— Давай биться! Дми[9] точок[10]!

Змий дунул — у него стал чугунный точок с серебряными пругами[11], а Сученко дунул — у него серебряный с золотыми пругами. Ударил он змия раз и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил; царевна дала ему кольцо, он взял и пошёл дальше.

Шёл-шёл — опять двухэтажный дом; вышла ему навстречу девка и спрашивает:

— Чего ты, русский человек, коло нашего двора ходишь?

— А ты что за спрос? Дай наперёд мне воды — глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!

Вот она принесла ему воды, накормила его, напоила и к царевне проводила.

— Чего ты пришёл? — говорит царевна.

— За тобою; хочу с твоим мужем воевать.

— Куда тебе воевать с моим мужем! Мой муж дюже сильный, с девятью головами!

— Я и с одною, да буду с ним воевать, как мне бог поможет!

Царевна спрятала гостя за двери — аж летит змий.

— Фу, как русска кость воня!

— Это ты по Руси летал, русской кости напахал! — говорит царевна, стала подавать ужинать и тяжело вздохнула.

— Чего ты, душечка, вздыхаешь?

— Как мне не вздыхать, когда я ни отца, ни матери не вижу. Что б ты сделал, если бы кто-нибудь из моих родных сюда пришёл?

— Пил да гулял бы с ним.

Иван Сученко выходит из-за дверей.

— А, Сученко! Здравствуй, — говорит змий. — Чего ты пришёл сюда: биться или мириться?

— Станем биться! Дми точок!

Змий дунул — у него стал чугунный точок с серебряными пругами, а Иван Сученко дунул — у него серебряный с золотыми пругами; ударил он змия и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил. Царевна ему дала кольцо; он взял и пошёл дальше.

Шёл-шёл — опять такой же дом с двумя этажами. Вышла навстречу девка:

— Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?

— Ты прежде воды дай — глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!

Она принесла ему воды, накормила, напоила и к царевне проводила.

— Здравствуй, Иван Сученко! Чего ты пришёл?

— За тобою; хочу тебя у змия отнять.

— Куда тебе отнять! Мой муж дюже сильный, с двенадцатью головами!

— Я и с одною, а его повоюю, коли бог поможет!

Входит в горницу, а там двенадцатиглавый змий дрыхнет[12]: как змий вздохнёт, так весь потолок ходоном[13] заходит! А его сорокапудовая булава в кутку[14] стоит. Иван Сученко свою булаву в куток поставил, а змиеву взял; размахнулся, как ударит змия — пошёл гул по всему двору! С дому крышу сорвало! Убил Иван Сученко двенадцатиглавого змия, в пепел перепалил, на ветер перепустил. Царевна даёт ему кольцо и говорит:

— Будем со мною жить!

А он зовёт её с собою.

— Как же я своё богатство брошу?

Взяла всё своё богатство, в золотое яйцо своротила и отдала Ивану Сученку; он положил то яйцо в карман и вместе с нею пошёл назад до её сестёр.

Подстаршая царевна своротила своё богатство в серебряное яйцо, а самая меньшая — в медное, и ему ж отдали.

Приходят они вчетвером до норы; Иван Сученко привязал меньшую царевну и встряхнул канат.

— Как тебя, — говорит, — вытянут наверх, то покличь: Царенко! Он отзовётся: га! А ты скажи: я твоя!

После привязал другую царевну и опять встряхнул канат, чтоб наверх тянули:

— Как тебя вытянут, то покличь: Поваренко! Он отзовётся: га! А ты скажи: я твоя!

Стал третью царевну до каната привязывать и говорит ей:

— Как тебя вытянут, ты молчи — моя будешь!

Вытянули эту царевну, она молчит; вот Белый Полянин рассердился и, как стали тянуть Ивана Сученко, взял да и перерезал канат.

Сученко упал, приподнялся и пошёл до старого деда. Дед его пытается:

— Чего ты пришёл?

— Биться!

Начали воевать; бились-бились, устали и бросились до воды. Дед ошибся, дал Сученку сильной воды напиться, а сам простой выпил. Стал Иван Сученко осиливать; дед ему и говорит:

— Не добивай меня! Возьми себе в погребе кремень, кресало да трёх сортов шерсть — в беде пригодится.

Иван Сученко взял кремень, кресало и трёх сортов шерсть; вырубил огонь и припалил серую шерсть — бежит до него серый конь, из-под копыт шматья[15] летят, изо рта пар пышет, из ушей дым столбом.

— Много ль нужно времени, пока ты меня на тот свет вынесешь?

— А столько, сколько нужно людям, чтоб обед наварить!

Сученко припалил вороную шерсть — бежит вороной конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым валит.

— Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?

— Люди пообедать не успеют!

Припалил рыжую шерсть — бежит рыжий конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым валит.

— Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?

— Плюнуть не успеешь!

Сел на того коня и очутился на своей земле.

Приходит до золотаря.

— Я, — говорит, — буду твоим помощником!

Меньшая царевна приказывает золотарю:

— Сделай мне к свадьбе золотой перстень!

Он взялся за ту работу, а Иван Сученко говорит:

— Постой, я тебе перстень сделаю, а ты мне мешок орехов дай.

Золотарь принёс ему мешок орехов; Иван Сученко орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино колечко, вычистил и отдал хозяину.

Царевна приходит в субботу за кольцом; глянула:

— Ах, какое прекрасное колечко! Я такое отдала Ивану Сученку, да его нет на этом свете!

И просит золотаря к себе на свадьбу. На другой день золотарь пошёл на свадьбу, а Иван Сученко дома остался, припалил серую шерсть — бежит до него серый конь.

— Чего ты меня требуешь?

— Надо на весильном[16] доме трубу сорвать!

— Садись на меня, заглянь в левое ухо, выглянь в правое!

Он заглянул в левое ухо, а в правое выглянул — и стал такой молодец, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Поскакал и снял трубу с дома; тут все закричали, перепугались, свадьба разъехалась.

Другая царевна принесла золото, просит кольцо сделать. Иван Сученко говорит золотарю:

— Дай мне два мешка орехов, я тебе кольцо сделаю.

— Ну что ж? Сделай.

Сученко орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино кольцо, вычистил и отдал. Царевна увидала кольцо:

— Ах, какое славное! Я точно такое отдала Ивану Сученку, да его теперь нет на этом свете!

Взяла кольцо и зовёт золотаря на свадьбу. Тот пошёл на свадьбу, а Иван Сученко припалил вороную шерсть — бежит вороной конь.

— Чего ты от меня требуешь?

— Надо сорвать с весильного дома крышу.

— Сядь на меня; в левое ухо заглянь, в правое выглянь!

Он заглянул в левое ухо, выглянул в правое — стал молодец молодцом! Конь понёс его так шибко, что сорвал с дома крышу; все закричали, принялись стрелять в коня, только не попали; свадьба опять разъехалась.

Вот и старшая царевна просит, чтобы ей колечко сделали.

— Не хотела я, — говорит, — за Белого Полянина замуж идти, да, видно, бог так судил!

Иван Сученко говорит золотарю:

— Дай мне три мешка орехов, я тебе кольцо сделаю.

Опять орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино кольцо, вычистил и отдал. В субботу приходит царевна за кольцом, глянула:

— Ах, какое славное колечко! Боже мой! Где ты достал этот перстень? Я точно такой отдала тому, кого любила.

И просит золотаря:

— Приходи завтра на свадьбу ко мне!

На другой день золотарь пошёл на свадьбу, а Иван Сученко дома остался, припалил рыжую шерстину — бежит рыжий конь.

— Чего ты от меня требуешь?

— Неси меня как хочешь, только бы нам вперёд ехать — потолок на весильном доме сорвать, а назад ехать — Белого Полянина за чуб взять!

— Сядь на меня, в левое ухо заглянь, в правое выглянь!

Понёс его рыжий конь шибко-шибко. Туда едучи — Сученко потолок с дома снял, а назад едучи — ухватил Белого Полянина за чуб, поднялся высоко вверх и бросил его наземь: Белый Полянин на кусочки разбился. А Иван Сученко опустился вниз, обнялся, поцеловался с своею невестою; Иван-царевич и Поваренко ему обрадовались; все они обвенчались на прекрасных царевнах и стали жить вместе богато и счастливо.